

РЕЦЕНЗИИ, БЕСЕДЫ, ИНФОРМАЦИЯ

М. И. КОШЕЛЕВ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

(Муравьев Ю. А. Истина — культура — идеал. — М.: Изд-во МПГУ «Прометей», 1995. — 194 с.).

«Истина, культура, идеал... Нет более возвышенных и в то же время более захватанных, замусоленных слов. Это ведь еще у Пушкина «На модном слове *идеал* Тихонько Ленский задремал...» С той поры многие дремали... слово это многократно входило в моду и выходило, прямо-таки вываливалось из нее под крики: «Не позволим! порочить! светлые идеалы! (расы — Родины — коммунизма — Культуры — Духовности — Истины)»! Самая непереносимая вещь — скучная истерика. Истина, культура, идеал. Words, words, words...»

Такие вот запальчивые «слова, слова, слова» предваряют для читателя знакомство с книгой Ю. А. Муравьева, названной этими «захватанными» словами. И, надо сказать, несмотря на кокетливое предупреждение автора о том, что перед читателем «скучная книжка», на самом деле она читается с неослабевающим интересом. Мало того, что книга при всей ее строгой научности написана живым, ярким, хотя и далеко не всегда простым языком, основу этого интереса, как мне кажется, составляет насыщенность, буквально пронизанность полемичностью по отношению чуть ли не ко всем многочисленным авторам — отечественным и западным, которые упомянуты в книге.

Недаром спорам о культуре посвящена целая глава — она так и называется «Спор о культуре», и рассматриваются в ней западные и отечественные ориентации в области теории культуры.

Но споры спорами, а в рецензируемой книге они вовсе не самоцель: главное в ней — тот особый взгляд, которого придерживается автор на методы исследования, способы построения теории культуры и на строение самой культуры. Вот на этот позитив, который вырисовывается из полемических сполохов, и хотелось бы в первую очередь обратить внимание в рецензии, потому что остальные две главы книги посвящены соответственно сущности культуры, ее строению и динамике, которая автором трактуется весьма своеобразно.

Собственно, о самих методах исследования культуры говорится за пределами самой книги: дело в том, что «истина» в заглавии присутствует не совсем правомерно — об этой философской категории автор говорит очень мало, отсылая читателя к вышедшей год назад в том же издательстве «Прометей» книге «Истина: история, теория, методология». Можно считать, что это своего рода диптих.

Но тогда все-таки при чем здесь истина? Сам автор поясняет дело таким образом: «Истина, обретаемая в ходе исторического развития, превращает в заблуждение основную массу духовной продукции человечества. Значит, с позиции истины культура — это, так сказать, «кладбище ошибок». В основе контрверзы — общегуманитарная философская проблема самооценности прогресса: либо жизнь во всех проявлениях одинаково ценна, либо по сравнению с последующими стадиями развития старые стадии лишаются ценности, сохраняя лишь исторический интерес» (с. 7).

Очевидно, здесь перед нами то, что обычно называют проблемой культурного наследия в историческом времени. Между тем в общем-то содержательном плане такой теоретический подход к культуре, представляющий ее чуть ли не как воплощенное заблуждение, как раз и требует заново оценить взаимоотношение истины и заблуждения. Для тех, кого автор не убедил в такой необходимости, он предлагает удачную, на мой взгляд, иллюстрацию: египетские пирамиды — великое творение культуры, бессмысленно с точки зрения тех, кто не верит в бессмертие и загробную жизнь фараонов. Так и выходит, что символическое значение предпочтительнее «материального» бытия, и тогда предстоит решить принципиальный вопрос: «Верно это рассуждение, или перед нами элементарный софизм?»

Автор совершенно справедливо усматривает параметры своей темы в широко обсуждаемом вопросе о соотношении Кото оесопотюих е1 Кото 8осю1оelси5. Если до недавнего времени эта проблема представлялась актуальной лишь для «капиталистического Запада», то ныне все эти инициированные Марксом темы, по сути, о соотношении совести и «чистогана» — о том, как сочетать принцип максимизации выгоды и мораль. И по-прежнему берет досада: ну что за злая историческая судьба — как только раздаются голоса о том, что-де неправота Маркса в очередной раз «окончательно разоблачена, что капитализм делает честность выгодной, так является Россия с доказательством от «очень противного» с беспределом, который

Марксу и не снился, и показывает, что нет такого преступления против «общечеловеческой» морали, на которое не пойдет капитал ради прибыли. Опять Россия — полигон... беспредела.

Свою общефилософскую позицию автор обозначает словечком «трансмарксизм», что у него на поверку оказывается всего лишь синонимом творческого марксизма: автор неоднократно подчеркивает свое неприятие догматизированного и идеологизированного марксизма, говоря об отличии марксоидных идеологем и «научных» парамарксистских построений от аутентичного марксизма. Он, правда, не рассматривает вопрос о критериях «догматичности» марксизма, как бы забывая о том, что ни один догматик еще не признал себя догматиком, как ни один бюрократ не узнал себя в сатире на бюрократа. Но это уже другой вопрос. Автор и так о многом — слишком о многом — был вынужден говорить скороговоркой, за что, по правде говоря, его трудно упрекнуть: ведь цель, к которой он стремился, и без того грандиозна. Чем-чем, а скромностью наш автор не отличается, прямо заявляя, что собирается построить если не здание, то, во всяком случае, концептуальный каркас здания теории культуры — орешек, на котором, как известно, уже многие теоретики сломали зубы. Как же Ю. А. Муравьев подходит к решению этой задачи?

Марксистская или, вернее, «трансмарксистская» ориентация нашего автора проявляется в том, что он с самого начала рассматривает существование общества как двояко детерминированный процесс, причем первичный детерминант у него — «общественное бытие», производственные отношения, а вторичный детерминант — культура. Получается, что в социальной динамике производство представляет момент изменчивости, а культура обеспечивает устойчивость, стабильность социума (с. 93). Культуру автор понимает поэтому как социально значимый опыт деятельности, транслируемый через поколения средствами примера, показа и языка (следуя в этом идее Ю. И. Семенова), то есть как «застывшую практику».

Поначалу остается при этом не вполне ясным, как получается, что производственные отношения, которые, как известно, в способе производства представляют момент устойчивости в качестве *формы* способа производства, оказываются источником изменчивости. Однако в дальнейшем выясняется, что именно изменения способа производства в целом для автора источник социальной динамики, а

культура в целом и выступает как момент преемственности, обеспечивающий единство процесса социального развития.

Ясно, что такое понимание культуры далеко не общепринято, и автор на протяжении всей книги не устает всякий раз дистанцировать себя от, по сути, всех подходов к определению понятия «культура» в культурологической литературе, как отечественной, так и зарубежной. При этом, естественно, он постоянно затрагивает вопрос о статусе культурологического знания, специально посвящая ему — чем и подчеркивается значение, придаваемое автором этому вопросу, — заключение всей книги.

В отличие от всех других попыток представить культуру структурно, автор рассматриваемой книги, не разделяя известный «бессистемный» подход, когда графики и схемы призваны скрыть отсутствие общей руководящей идеи, предлагает простое триалическое построение. Культуру он представляет как базирующуюся на фундаменте социальных (они же и культурные) норм, образующих разнообразные комплексы обычаев, ритуалов, систем этикета и прочее. Над этим фундаментом возвышается центральное звено культуры — традиция. Здесь правомерен серьезный упрек в адрес автора. При всей претензии на структурность, он, как мне кажется, не уделил достаточного внимания проработке концептуального аппарата теории традиции, да и вообще нижних этажей культуры — нормы и традиции. Лаже при нынешнем состоянии знаний в этой области решение этой задачи вовсе не представляется неосуществимым.

Главное внимание при рассмотрении традиции автор уделяет возникающей в связи с этой категорией проблеме преодоления «креативистской» (по терминологии Ю. А. Муравьева) концепции, которая как раз, с точки зрения автора, и не может справиться с проблемой традиции: автор настаивает на том, что основа социальной динамики — смена традиций, то есть именно ломка, преодоление культуры. Культура невозможна без творчества, но не оно составляет суть культуры, а как раз репродуктивное воспроизведение традиционной культуры. Сложный сам по себе, не поддающийся однозначной трактовке процесс трансформации культуры, в котором переплетаются проявления разнопорядковых закономерностей, тем не менее направляется мощными стимулами, лежащими *вне* культуры. Вместе с тем это внешнее воздействие должно проявляться во

внутренних механизмах, и фермент культурной динамик составляет процесс смены социальных идеалов, происходящий на высших этажах здания культуры.

Пожалуй, наиболее интересен в книге Ю. А. Муравьева раздел, посвященный социальному идеалу как высшему этажу здания культуры и, по выражению автора, ферменту культурной динамики. Новизна и средоточие интереса здесь — трактовка идеала как внутри себя не расчленимого единства моментов познавательного, этического и эстетического. Автор прослеживает судьбу составляющих социального идеала, в котором им намечаются перерастающие в конфликт точки напряжения между наукой и искусством, искусством и нравственностью, моралью и наукой и т. д. Процесс разложения социального идеала сопровождается формированием нового идеала, так что каждая «третья» составляющая выступает для первых двух в роли третьей стороны: взаимоотношения, скажем, науки и искусства, возникшие противоречия между тем и другим подлежат оценке и разрешению с позиций моральных критериев; противоречия морали и науки преобразуются и тем приближаются к разрешению эстетическими средствами и т. д. Ю. А. Муравьев формулирует, таким образом, закон компенсаторности во взаимоотношениях познания, искусства и нравственности и приводит примеры того, как на практике действует этот закон в культурной истории человечества.

Хочется подчеркнуть здесь необычность теоретического хода: традиционный советский марксизм склонен подчеркивать творческую роль народа в «культурном строительстве». Автор, напротив, подчеркивает нетворческую, консервативную роль народных масс: они хранители культуры, а отнюдь не преобразователи ее. Лишь на доисторической стадии культура появляется и меняется стихийно. В классовом обществе творческая роль принадлежит представителям господствующего класса, его идеологам — это они сознательно (и индивидуально) вырабатывают новые социальные идеалы, ловя подземные гулы грядущих социальных перемен.

Сложно? Бесспорно. Спорно? Конечно. Однако это и составляет интерес книги — ее автор, сознательно провоцируя спор, призывает не к борьбе с помощью приведения отрывочных аргументов, а к сопоставительному анализу концепций. Только из такого анализа и может возникнуть то, что автор называет «трансмарксистской» теорией культуры.

Таким образом, выход книжки Ю. А. Муравьева даже среди огромного моря появившихся «учебников» и «пособий» по культурологии представляет собой весьма заметное явление. Заложенные автором основы теории культуры при всей фрагментарности изложения, обилии теоретических лакун (и это несмотря на солидный массив источников, способный еще долго быть ориентиром в безбрежном море культурологической литературы, особенно западной) дают основание считать, что новый взгляд на традиционные проблемы найдет живой отклик у тех теоретиков, которые устали от догматики, выдаваемой за «верность учению», от эклектики, выдаваемой за всесторонность, и от детского впадения в противоречия, выдаваемого за диалектику.